
ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

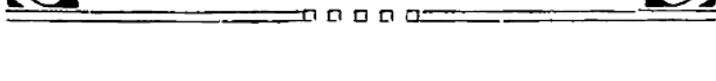

**ЮЛИЯ
НЕЛИДОВА**

**ТАЙНА
«ЖЕЛЕЗНОЙ ДАМЫ»**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Н49

Оформление серии *С. Курбатова*

Нелидова, Юлия.

Н49 Тайна «Железной дамы» : [роман] / Юлия Нелидова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Губернский детектив. Романы Юлии Нелидовой).

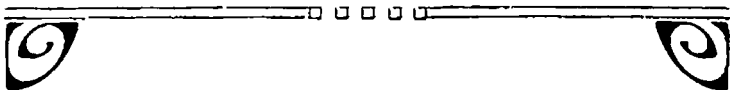
ISBN 978-5-04-092200-0

1887 год. Молодой земский врач Иван Иноземцев, чтобы поправить пошатнувшееся психическое здоровье после злоключений в имении Бюловка, переезжает в Париж, но и там не может избавиться от призраков прошлого и опасений за будущее. Несмотря на блестящую врачебную практику и лекции в европейском университете, Иван Несторович понимает, что тихой и безмятежной жизни во французской столице ему не добиться. Один из его студентов — внук самого Лессепса, гениального инженера и дельца, занимающегося проектом эпохи — прокладкой Панамского канала. Но сам студент связывается с анархистами и становится причиной детонации взрывного устройства. И только Иноземцев понимает, что виной всему не случайная оплошность юного химика, а панамский кризис и финансовые махинации вокруг семьи Лессепсов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092200-0

© Нелидова Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава I

Ссылка в Париж

1889 год, сентябрь. Париж

В дверь лаборатории на улице Ферронри позвонили, и посыльный передал небольшую коробочку, в обертке без привычных почтовых штампов, без подписи — без ничего. Внутри оказалось новомодное изобретение профессора Фика из Цюриха — пара роговичных линз. Иван Несторович Иноземцев понял, что его тихой и безмятежной жизни настал конец...

* * *

Двумя годами ранее, май. Петербург

Иноземцева выпустили той же ночью, вернув и одежду, и медицинские инструменты в чемоданчике, и саквояж, и он поплелся к Введенскому каналу, в надежде, что его квартиру госпожа Шуберт по-прежнему держит пустой. С тяжелым сердцем поднялся он на второй этаж. Ступени лестницы и половицы шумно потрескивали под ногами, нарушая гнетущую тишину. Ни Розина Александровна, ни Варя не смели и слова сказать своему постояльцу, столь нежданно-негаданно явившемуся едва ли не с того света. Хуже! Из сумасшедшего дома.

Что теперь? Жизнь кончена...

Опустил саквояж у порога, горестным взглядом окинул комнату. На потертые обои без боли в сердце смотреть невыносимо. Шкаф возвышается грузным великаном — предатель этакий, точно ждет наступления ночи, дабы извергнуть из своей темной утробы чудищ в образе светлоокой сирены и ее страшного пятнистого монстра¹. Темная рама окна, потонувшая в предрассветных сумерках, навеивает лишь страх — едва сгустятся сумерки, полезет из нее нечисть всякая, примется колотить по стеклу, выть да стонать точно гоголевская панночка. На кровать и присесть страшно — а вдрут смотрит вновь проклятая катаплексия?

Иноземцев втянул шею, поежился.

Уж в больнице и поспокойней было, глухое окошко на потолке попрочнее выглядело, за дверью — санитары, готовые по первому зову больного прогнать монстров.

«О чем мысли! Об окошке, прости господи, да о санитарях. За спины их удумал прятаться от несуществующей нежити. Чем жить теперь? Кому он теперь нужен, душа неприкаянная? Запереться, спрятаться или бежать куда глаза глядят? Да нет, кончена жизнь... — хоронил себя Иван Несторович. — Скальпель-то держать как теперь, поди, и не вспомнит, как сосуды шить — тоже, да что уж там — как ангину лечить и то из головы вылетело. Какой он доктор теперь с пустотой вместо серого вещества. Тут и деревенским лекарем стыдно будет пойти, не то что в штатные хирурги Обуховской больницы. Кто ж его назад примет, душевнобольного морфиниста? Да и сам он ни за что в Обуховку не вернется — лучше смерть. Бежать! Бежать, пока грешным делом руки на себя не наложил! Бежать, запереться и

¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

спрятаться. Где-нибудь в сибирской тайге или на Чукотском полуострове. Ничего, и без людей проживет, сам на сам. Уж больно через них страданий много.

Иван Несторович прошаркал к своему старенькому бюро, тяжело опустился на стул, уронил локти на столешницу, а голову — на руки и вздохнул. Взгляд упал на газету, что лежала здесь до него, верно, занесенная заботливой Варей вместе с кипой прочей корреспонденции, накопившейся за ни много ни мало целых полгода.

«ПОХИЩЕНИЕ АЭРОСТАТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Одна из вольных слушательниц Бестужевских курсов по имени Элен Бюлов из Страсбурга стала похитительницей воздушного шара, принадлежащего известному ученому, приборостроителю, химику, физику и воздухоплавателю Дмитрию Ивановичу Менделееву. Экспериментальная модель летательного аппарата сооружалась в течение нескольких месяцев во дворе отстроенного два года назад здания оных курсов, по адресу: Васильевский остров, дом 33, где ученый преподавал и проживал. По словам Дмитрия Ивановича, барышня Бюлов была одной из прилежных и смысленных учениц, всегда проявляла любопытство относительно конструкции аэростата, была даже допущена к его сооружению и имела твердые намерения отправиться в Тверскую губернию проводить наблюдения за полным солнечным затмением, которое должно состояться 7 августа сего года.

В ночь на 30 мая ученица проникла в здание, отрезала канаты, зажгла нагревательный прибор и в одиночку взмыла в воздух. Некоторые знания законов аэронавтики, которые изложил барышне профессор Менделе-

ев в ходе работы наг сим аэростатом, и собственный легкий вес дали ей возможность быстро исчезнуть в толще облаков.

Важно отметить, сколь опасно путешествие на аэростатах. Сам профессор до того ни разу не отправлялся в воздух в одиночку. В качестве подъемной силы используются взрывоопасные газы — светильный и водород.

Поисками беглянки занят весь Департамент полиции. Полицейские чиновники обещали тотчас сообщить, если та сыщется».

Умахнула, счастливица, а ему что теперь делать?
Куда податься?

Иноземцев обернулся, чувствуя, что за ним все это время наблюдали. В дверях застыли Розина Александровна и Варя. Смотрят боязливо-обеспокоенно. Не то страшно им — неведомо, что от полоумного постояльца ждать, не то жалеют убогого. И войти не решаются, и оставить одного — а ну как буяннить примется.

Иноземцев скривился. Лучше сразу в Неву, прямо ко дну илистому! Или в Фонтанку, или в Введенку. Как наступит ночь, — уж если и топиться, то украдкой, — раздобыть предмет какой потяжелее да веревку крепкую и — к Александровскому мосту или, может, к Зимней канавке — там безлюдно...

Но ни того ни другого ординатор сделать не успел. Вечером явился сам Троянов. Госпожа Шуберт и Варя страшно обрадовались приходу главного хирурга из Обуховской больницы, бросились провожать его на второй этаж, наперебой рассказывая, что весь день Иноземцев просидел, ни слова не сказавши, на просьбы и увещевания не отвечая. Заведующий доктор руку

Иноземцеву пожал, стал в извинениях рассыпаться, успокаивать.

Тот даже подняться не соизволил, на рукопожатие не ответил, продолжал сидеть с гробовым молчанием и безжизненной неподвижностью. Не нуждался больше он ни в каком утешении. Только в гробу себя и видел или на дне Невы. Троянов говорил что-то, а Иван Несторович все представлял с наслаждением, как вода у лица плещется.

— Да не убивайтесь вы, юноша, так, — не отставал Алексей Алексеевич, — вам не придется краснеть, прятать глаза. Ну что случилось, то случилось. Ведь героем себя проявили, мужественно перетерпев все невзгоды¹. Поймают эту негодницу, уж далеко на шаре она не сможет улететь. Статью читали? — Главный доктор скользнул глазами в сторону газеты под локтями Иноземцева. — Вы настоящий рыцарь, Иван Несторович. Кто другой на вашем месте сдал бы ее полиции, хоть бы даже это дама. А вы — нет. Вы истинный джентльмен. И ведь гиены не испугались. Просто невероятно. А я вас — ругать... Ну простите, дурака старого! Такое ведь и вообразить... Гиена! Ручная гиена! Просто уму непостижимо... М-да. В больнице о вас только хорошее вспоминают — какой, говорят, благородный, бесстрашный. Единственно только... кхе-кхе, остаться вам нельзя никак, попросят вас все-таки из Петербурга. Уж примите эту горькую пилюлю. Мужайтесь, словом. Но все не так плохо — получите приват-доцента где-нибудь в Европах, с вашим-то багажом исследований.

Иноземцев продолжал сверлить взглядом очертания здания Царскосельского вокзала в окне напротив, но при последних словах глянул на заведующего обижен-

¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

но исподлобья. Погонят, значит, в три шеи погонят. Сначала в сумасшедшем доме продержали, а теперь — пальцем на дверь. Не питал Иван Несторович никаких иллюзий насчет печального будущего своего. Да хоть на расстрел, завтра же, плевать! А сам продолжал с наслаждением представлять, какое небо Петербурга красивое, должно быть, сквозь толщу воды в реке по весне. К Зимней канавке идти надобно, там его никто искать не будет...

Но ошибся Иван Несторович. Троянов, оказывается, явился не только дабы утешить разнесчастную жертву неудачного полицейского сыска, а по просьбе главы больничного дела столицы, председателя Общества русских врачей — профессора Сергея Петровича Боткина. Тот просил осторожно и ненавязчиво пригласить Иноземцева к беседе сегодняшним же вечером.

Главу больничного дела по вопросу Иноземцева полицейские чиновники всего измучили. До того квартира ординатора и его рабочий стол в Обуховской больнице были подвергнуты тщательнейшему обыску. Записи доктора, пробирки, стекляшки, травяные заготовки — все старательно упаковали в ящики и свезли Боткину — де разбирайтесь, господин ученый, чем был занят главный подозреваемый. С ящиками сими и Троянову пришлось повозиться, и весьма скептически настроенному полицейскому врачу — Дункану, который, однако, лишь изредка навевывался узнать, как продвигается дело, и равнодушно выслушивал отчет ученых. Те же после нескольких недель изучения улик, после телефонного разговора с главным врачом психиатрической больницы Святого Николая Чудотворца, господином Чечоттом, пришли к выводу — несмотря на то что доктор Иноземцев страдал нервными расстройствами, тем не менее вел он весьма полезные исследования в области микробиологии и иммунологии, изучал споры,

палочки и возбудители многих весьма распространенных заболеваний. К стекляшкам со штаммами была приложена целая стопка анализов больных, аккуратнейшим образом подшитая к одной из толстенных тетрадей, сплошь исписанной нервным почерком. Было бы весьма печально, ежели такая работа канула в Лету. А ну какое открытие сделано было в микробиологии или эти наблюдения позже путь проложат к возможным открытиям?

Долго решали, что делать с молодым доктором, но, как сильно Сергей Петрович ни желал оставить Иноземцева в столице при себе, в чиновничьих верхах было принято безоговорочное решение выслать его куда подальше.

Тогда профессор вспомнил, что вел переписку с одним удивительным биологом — основателем и организатором первой в Империи бактериологической станции. Характер у того был на удивление схож с нравом Ивана Несторовича. Илья Ильич Мечников — известный своей непревзойденной гениальностью, склонностью к авантюрному романтизму и вечными стычками с правой профессурой, которая, в конце концов, вынудила его оставить бактериологическую станцию в Одессе, — стал бы лучшим наставником Иноземцеву. Он и эксперименты на своем организме ставил точно так же, как Иноземцев, ничуть не страшась смерти. Ввел как-то себе в отчаянии тиф — хотел на тот свет отправиться вместе с занемогшей женой, но не умер, а открыл вакцину от сего страшного недуга — и себя спас, и супругу. А после этого загорелся идеей продления человеческой жизни. Пережив два неудавшихся самоубийства, он осознал истинную цену жизни.

Еще в марте, когда ординатор томился в лечебнице, Боткин написал Мечникову в Париж, куда тот отбыл нынешней зимой по приглашению самого Луи Пасте-

ра. Восторженными словами расписал Иноземцева — прилежного врача, ловкого хирурга, занятого теми же исследованиями, что проводил Илья Ильич и его французские коллеги, аккуратно намекнув, что сведения, собранные им, могли бы быть весьма полезны. И вскоре получил телеграмму: *«Непременно просите приехать этого молодого медика к нам тчк в париже открыта вакцина против бешенства зпт мы рады принять любую помощь тчк»*

Сенсационные новости о всемирном исследователе бешенства давно будоражили весь мир науки. Газетные издания разрывались от восторженных статей, вещавших о легендарном Луи Пастере, наконец победившем болезнь, многие столетия которая считалась неизлечимой. Его труды, поначалу оклеветанные, оболганные, не принятые никем, названные бесплодными и тщетными, привели к величайшему триумфу — сколько жизней будет теперь спасено. Количество больных, ринувшихся за лечением в кабинет Пастера в Эколь Нормаль, заставило ученых мир Парижа задуматься об организации сего процесса.

По велению Французской Академии наук, членом которой являлся Пастер, нынешним летом готовили к открытию новый институт с несколькими лабораториями для изучения микроорганизмов, вызывающих инфекционные заболевания, и прививок против них. Шестидесятипятилетний ученый, уже уставший, больной и страшно постаревший, остро нуждался в толковых исследователях и во врачах, которые проводили бы вакцинации, читали бы лекции вольным студентам, разгрузили бы его неутомимых сподвижников. Эмиль Ру, отдавший годы изучению сибирской язвы, Дюкло — профессор химии из Сорбонны, микробиолог Шамберлан, детский врач Гранше, а также только что присоединившиеся Илья Ильич и швейцарец Йерсен — большой

знаток серологии рады были принять любую помощь. И любой уважающий себя ученый почел бы за честь работать в такой команде.

А Иноземцева эта честь вогнала в страх и даже недовольство. Он так утвердился в своем желании похоронить себя на дне Невы, что даже перспектива переезда в Европу не смогла отвлечь его от печальных намерений.

Он искренне удивился приглашению главы больничного дела, господина Боткина, даже не поверил поначалу словам Троянова и идти сразу не захотел. Троянову пришлось несколько раз повторить просьбу Боткина. А когда Иван Несторович предстал перед Сергеем Петровичем, удивился еще больше — тот указал ему на ящички с огромным множеством пробирок, чашек Петри, каждая из которых была подписана его — Иноземцевым — почерком. Все пространство большого рабочего стола было занято ими. Иван Несторович, не веря своим глазам, стал вынимать лабораторные емкости и недоуменно их разглядывать.

Кроме того, Сергей Петрович подал Иноземцеву и его тетради — целую стопку, несколько бюваров, а также подшивки газет, где значились статьи Ивана Несторовича, раскрывавшие многие туманные вопросы не только в микробиологии, иммунологии, но и в психиатрии. Долго Иноземцев стоял и листал свои записи, то хмурясь, то удивленно вскидывая брови.

— Это что — мои? — в конце концов, наивно спросил он.

Боткин лишь вздохнул и сочувственно похлопал молодого человека по плечу.

— Поезжайте в Париж. Илья Ильич будет вам рад.

Не ведал господин глава больничного дела, что причиной столь успешной научной деятельности доктора Иноземцева была случайно изобретенная им тинктура,

совершенно меняющая свойства души и преображающая работу сердца и разума. За небывалую работоспособность и удивительную гибкость ума, возникающую вначале, приходилось расплачиваться помутнением рассудка и беспамятством впоследствии. Все то синтезированный даурицин! Все это лунный яд¹...

Иван Несторович и опомниться не успел, как уже катил в поезде по Петербурго-Варшавской железной дороге. Короткое посещение Выборга прежде, немой упрек отца во взгляде, слезы матери оставили лишь абрис в подсознании. Стыдно было невообразимо. Теперь он беглец, не оправдавший родительских надежд, хранитель неприятной тайны, от которой с радостью бы избавился, отъявленный и самолюбивый лжец без стыда и совести — осознание этого тупой болью поселилось за грудиной, душило и мучило Иноземцева. Боткину ведь тоже не признался, кому он обязан своими статьями, исследованиями, коллекциями спор и бактерий, что вез на суд самому Пастеру! И не признается даже под страхом смерти.

«Ничего, — сказал он себе, — не Нева, так Сена, пусть же даже Висла или Дунай, что по дороге, — все равно».

Осматривать Париж Иван Несторович не хотел — зной, пыль, духота... Но пришлось. С Восточного вокзала отправился на улицу Гренель, в русское посольство, проехав на городском omnibusе через несколько кварталов с правого берега Сены на левый. И Париж произвел на Иноземцева пугающее впечатление. Оживленность, толкотня, беспорядочность кривых улиц, размах бульваров, тяжесть сплошной стены построек разной

¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

высоты, цвета и архитектуры — все это обрушилось неудержимой лавиной на Ивана Несторовича, привыкшего к тишине и уединению больничной палаты. Поезд прибыл ранним утром, но уже тогда город гудел всем разнообразием звуков зарождающегося дня.

В посольстве на улице Гренель его встретил секретный агент ЗАГа — Рачковский, устроил доктору настоящий допрос, немало тем его измучив.

Следом явился сам Мечников Илья Ильич, перехватил оглушенного Иноземцева из лап полицейского чиновника, потянул того на улицу, взял фиакр, и они вихрем промчались по всему Сен-Жерменскому предместью и через Люксембургский сад.

На вопрос биолога, мол, как находите Париж, Иноземцев мрачно отозвался: «Будто из Петербурга и не уезжал».

Бывший ординатор горел одним-единственным желанием — по-детски глупым и даже в какой-то степени безумным: выпрыгнуть на ходу из пролетки и бежать обратно к вокзалу. Близилась минута, когда пришлось бы поведать будущим коллегам о своих научных изысканиях, о которых он знал не больше, чем какой-нибудь первокурсник-школяр. Иноземцев употребил целую неделю пути, чтобы разобраться в собственных записях, но по-прежнему его истязало непреодолимое чувство, что похитил все эти идеи у какого-то незнакомого ученого и пытается выдать за свои собственные работы.

К трехэтажному каменному зданию на улице д'Ульм, с аркой-дверью, скромным барельефом, изображающим двух греческих муз, и надписью «École normale supérieure», не подступиться. Толпа, гомон точно преследовали Ивана Несторовича всюду. Но здесь царил невиданный хаос. С некоторых пор в Эколь Нормаль во флигельке была устроена настоящая станция вакцинации — строительство нового института несколько затя-